

Записки барона Веліо ¹⁾.

27 ноября пришла роковая вѣсть о смерти Государя!—бюллетеней почти не было, и никто не ожидалъ этого удара. Не помогло ему его крѣпкое сложеніе, и къ нашему великому горю его не стало.

Можетъ быть, для него было лучше, ибо, несмотря на его безграничную доброту къ людямъ, онъ уже зналъ, что у него есть враги тайные и что есть люди, задумавшіе что-то противъ него лично и всего цар. дома. Казалось бы, для него и жизни не жалко, а между тѣмъ готовились тайныя козни. На другой день послѣ полученія этого извѣстія мы присягали Государю Константину Павловичу. Великодушное отреченіе Николая Павловича могло обойтись дорого его народу, если бы не спасло дѣло его мужество. Вскорѣ послѣ присяги Константину Павловичу, стали ходить смутныя слухи по С.-Петербургу—говорили о томъ, что есть бумага, въ которой Вел. Кн. Константинъ отрекается отъ престола—тогда зачѣмъ было насъ приводить къ присягѣ?—С.-Петербургъ былъ въ броженіи, а въ добавокъ никогда не было столько кражъ и убійствъ въ столицѣ, какъ тогда. Это смутное время прекрасно описано въ сочиненіи барона М. Корфа „Восшествіе на престолъ Императора Николая I-го“. 13 декабря 1825 года въ вечернемъ приказѣ было сказано, чтобы мы собрались въ манежъ, весь полкъ въ походной формѣ къ 4 час. утра. Такъ какъ я былъ дежурнымъ по полку на 13-ое число, то мнѣ пришлось стоять у входа въ манежъ въ ожиданіи графа Орлова, когда полкъ уже былъ собранъ въ ма-

¹⁾ См. „Русская Стар.“, ноябрь 1913 г.

нежѣ. Когда графъ меня увидалъ и я подошелъ къ нему съ рапортомъ, онъ сказалъ.

„Что ты все въ важныхъ случаяхъ дежуришь!“

Онъ поздоровался съ полкомъ и тутъ же приказалъ священнику читать манифестъ о восшествіи на престолъ Государя Императора Николая Павловича и объ отреченіи отъ престола Вел. Кн. Константина Павловича. Священникъ былъ такъ взволнованъ, что не могъ читать громко. Тогда графъ самъ взялъ манифестъ и прочелъ намъ его своимъ громкимъ голосомъ. Старшіе офицера держали одной рукой штандарты, а другая была поднята для присяги; весь полкъ повторялъ слово въ слово слова присяги. При полной тишинѣ это была торжественная минута. Этотъ полкъ, шефомъ котораго считался Вел. Кн. Константинъ Павловичъ, показалъ примѣръ дисциплины и послушанія, благодаря прекрасному духу полка и тому, что эскадронные командиры были все старые офицеры. Мы потомъ узнали, что насъ такъ рано привели къ присягѣ, чтобы мы послужили примѣромъ, такъ какъ полкъ Е. В. Константина Павловича безпрекословно подчинился присягѣ. Нѣсколько часовъ спустя, когда я собирался одѣваться въ полную форму, чтобы идти на молебенъ во дворецъ и быть на выходѣ—къ намъ прибѣжалъ казначей Цинскій въ казармы, передавая приказаніе графа сѣдлатъ весь полкъ и выступать, такъ какъ Московскій полкъ возмутился и находится на Адмиралтейской площади въ полномъ броженіи.

Съ тѣхъ поръ, какъ получено было извѣстіе о кончинѣ моего благодѣтеля Александра I, я былъ печаленъ и не зналъ, что предпринять. Не имѣя средствъ и потерявъ своего высокаго покровителя, я чувствовалъ себя осиротѣвшимъ и подумывалъ о переходѣ въ гражданское вѣдомство; но такъ какъ было бы не ловко гвардейскому полковнику выходить изъ полка такъ скоро послѣ вступленія на престолъ Императора Николая, то я и отложилъ эти планы до сентября мѣсяца, единственное время года для подачи подобныхъ прошеній. Другая причина, почему мнѣ хотѣлось перейти въ гражданское вѣдомство, это та, что Вел. Кн. Николай Павловичъ не пользовался расположеніемъ гвардіи.

Удрученный горемъ и заботами, я по своему обыкновенію рано утромъ 18-го (это было воскресенье) пошелъ въ католическую церковь Св. Екатерины на Невскомъ и въ этотъ день молился усерднѣе, чѣмъ когда-либо. Возвращаясь изъ церкви въ дрожжахъ, я встрѣтилъ Вел. Кн. Николая Павловича и едва

успѣлъ откинуть съ лѣваго плеча шинель и передвинуть шляпу по формѣ, какъ уже Вел. Кн. милостиво мнѣ поклонился и кромѣ того обернулся и любезно сдѣлалъ рукою знакъ привѣтствія. Но я и тутъ подумалъ про себя—„больше году служить не останусь въ гвардіи, если и будето Государемъ“; тогда уже носились слухи объ отреченіи Вел. Кн. Константина Павловича.

Возвращаясь къ своему послѣдовательному разсказу. И такъ, 14-го утромъ послѣ присяги намъ было приказано сѣдлать и выступать. Тутъ я понялъ, что готовится что-то серьезное, и позвалъ своего вахмистра, приказалъ ему собрать всѣхъ старыхъ солдатъ, даже и тѣхъ, что находились въ числѣ портныхъ и сапожниковъ, и поставить ихъ во фронтъ. Мой денщикъ хотѣлъ мнѣ дать второй мундиръ, который я надѣвалъ на ученье. Но я предвидѣлъ, что готовится бунтъ, судя по тому направленію, которое съ нѣкоторыхъ поръ господствовало во флотѣ и гвардіи, а мнѣ лично только и хотѣлось умереть за царя и отечество и отдать свою жизнь за благодаренія обожаемаго мною Александра I-го. Поэтому я сказалъ денщику: „давай все новое, и болѣе чистое—умирать, такъ въ новомъ и чистомъ, въ бою“. Выходя изъ квартиры, я простился съ своей прислугой и просилъ ихъ никуда не отлучаться, а въ случаѣ, если я не вернусь, обратиться къ моему пріятелю г-ну Шамо, который былъ тогда *agent de change de la cour* и придворнымъ куртье—онъ приведетъ всѣ мои дѣла въ порядокъ, въ случаѣ моей смерти. Затѣмъ я пошелъ въ свой эскадронъ и приказалъ людямъ садиться. Въ эту минуту одинъ изъ ефрейторовъ, съ которымъ я выѣзжалъ молодыхъ лошадей, спросилъ меня, какую ему взять лошадь. Это былъ славный молодой солдатъ по фамиліи Хватовъ изъ Курской губерніи. Я велѣлъ ему взять молодого вороного жеребчика, котораго я самъ выѣзжалъ.

— Возьми моего жеребчика, онъ тебя и въ бѣдѣ вывезетъ, сказалъ я ему.

Мой эскадронъ былъ готовъ, и весь полкъ скоро выстроился. Въ моментъ нашего выступленія изъ казармъ, мы увидали графа Милорадовича (тогдашняго военнаго губернатора) въ полной формѣ и всего въ крови! его вели двое какихъ-то людей и отвели его въ наши казармы въ квартиру Игнатьева. Этотъ храбрый воинъ, участвовавшій въ 84 сраженіяхъ, былъ теперь раненъ бунтовщиками, двумя выстрѣлами и ударомъ штыка въ спину.

Я обратилъ вниманіе моихъ солдатъ на этого несчастнаго графа Милорадовича и сказалъ имъ:

— Вотъ, что значить, когда солдатъ не довѣряетъ своему начальнику, а вы, ребята, мнѣ вѣрите и пойдете за мной?

— Куда угодно ведите, мы васъ не оставимъ, отвѣтили они мнѣ единогласно.

Полкъ двигался по Малой Почтамской, тамъ, гдѣ нынѣ Почтамская церковь, затѣмъ мы прошли Большую Морскую, перешли Исаакіевскую площадь, прошли по Вознесенской до Адмиралтейской площади.

Здѣсь графъ Орловъ выстроилъ насъ сомкнутой колонной по эскадронно, такъ что первый эскадронъ былъ впереди. Прочіе эскадроны примыкали къ угловому дому Адмиралтейской и Вознесенской, улица же между домомъ Военнаго Министерства и нашимъ полкомъ была свободна (Въ сочиненіи бар. М. Корфъ положеніе полка указано невѣрно).

Вскорѣ послѣ того, какъ полкъ выстроился, мы увидали Государя ѣхавшимъ верхомъ изъ дворца. Подѣхавъ къ намъ, онъ поздоровался обычнымъ: „Здорово, ребята!“ на что весь полкъ грянулъ единодушно: „Здравія желаемъ, Ваше Императорское Величество!“

Тогда Государь подѣхалъ къ намъ ближе и именно къ правому флангу и спросилъ:

— Признаете ли вы меня за Вашего Царя или нѣтъ?

Крики ура были отвѣтомъ Государю, и крики эти вылетали не только изъ устъ солдатъ, но и офицеровъ и доказали ему, что полкъ нашъ вполне надеженъ.

Деревянный заборъ около строящагося Исаакіевского собора выступалъ впередъ у дома Военнаго Министерства, и шайка революціонеровъ, покинувъ свою прежнюю позицію передъ Сенатомъ, скучилась передъ этимъ заборомъ и образовала карре, фронтъ коего обращенъ былъ къ памятнику Петра I, лѣвая сторона карре была обращена къ дому, гдѣ нынѣ Синодъ, тогда Кусовникова. Правый флангъ мятежниковъ былъ обращенъ къ Адмиралтейской площади. Заборъ служилъ имъ опорой съ четвертой стороны. Карре это состояло изъ гренадеръ, моряковъ, Московскаго полка и въ центрѣ были зачинщики и нѣсколько офицеровъ. Государь остановился около нашего праваго эскадрона и долго говорилъ съ нѣкимъ Якубовичемъ, раненымъ на Кавказѣ, офицеромъ. Государь послалъ его къ мятежникамъ, но такъ какъ Якубовичъ принадлежалъ къ числу ихъ, то изъ этихъ переговоровъ толку не выходило. Этотъ человекъ, котораго я видѣлъ въ первый разъ, произвелъ на меня ужасное впечатлѣніе, и видя его столь близко отъ

Государя, невольно становилось страшно за него. У меня рука чесалась разбить ему черепъ, такъ онъ мнѣ казался опасенъ для нашего монарха. Впослѣдствіи выяснилось, что онъ былъ одинъ изъ злѣйшихъ враговъ царя и намѣревался его убить, но тутъ у него не хватило духа это сдѣлать. Когда Государь къ нему приблизился, онъ не былъ въ состояніи исполнить того, что обѣщалъ своимъ товарищамъ.

Первому дивизиону нашего полка было командовано повернуть по Вознесенскому и идти къ Синему мосту, вдоль дома Мятлева къ манежу, откуда намъ надо было выстроиться передъ Синодомъ. Чтобы выполнить этотъ маневръ, намъ командовали: „Первый дивизионъ по три налѣво заѣзжай! шагомъ маршъ!“—По всѣмъ правиламъ послѣ движенія лѣваго фланга второй эскадронъ долженъ бы былъ своимъ лѣвымъ флангомъ начать движеніе; но флигель-адъютантъ полковникъ Вл. Степ. Апраксинъ, командиръ перваго дивизиона, двинулъ впередъ свой первый эскадронъ, а я послѣдовалъ за нимъ съ своимъ вторымъ эскадрономъ.

Подойдя къ нашему манежу, Апраксинъ остановился. Я подъѣхалъ къ нему спросить, въ чемъ дѣло. Онъ указалъ мнѣ на шайку мятежниковъ, скрывавшихся за заборомъ и вооруженныхъ палками съ гвоздями, ружьями, и ножами, и затѣмъ мы увидали, что весь лѣвый флангъ мятежниковъ цѣлится въ насъ. Тогда я посоветовалъ Апраксину командовать своему и моему эскадронамъ галопомъ проскакать межъ нихъ—что онъ и исполнилъ, но въ моментъ нашего натиска насъ осыпали градомъ пуль изъ этого карре.—Большая часть выстрѣловъ ударилась о наши кирасы, не причинивъ намъ вреда.

Мы проскакали мимо мятежниковъ, и первый эскадронъ выстроился около монумента Петра I, при чемъ выдвинулись лѣвые фланги взводовъ.—Я съ своимъ эскадрономъ сдѣлалъ то же движеніе, и потому фронтовой дивизионъ получилъ такое перемѣщеніе: лѣвый флангъ его, т. е. второй эскадронъ, очутился на его правомъ флангѣ, ибо лѣвый флангъ втораго эскадрона сомкнулся съ правымъ флангомъ перваго эскадрона. Зачѣмъ мой дивизионеръ сдѣлалъ это движеніе, не знаю, вѣроятно безсознательно, хотя онъ былъ очень хорошій человѣкъ и прекрасный офицеръ и нисколько не растерялся—но только, благодаря этой ошибкѣ въ построеніи дивизиона, моя участь совершенно измѣнилась.—Какъ только мой эскадронъ выстроился, я увидалъ, что нахожусь передъ лѣвымъ флангомъ мятежниковъ, и только-что успѣлъ я выровнять свой эскадронъ и встать по срединѣ своего фронта, какъ пули засвистѣли

около меня. Мысли мои были заняты тѣмъ, что, сознавая важность этой минуты, я былъ готовъ на все и рѣшился доказать свою преданность какъ покойному благодѣтелю своему, такъ святость присяги новому царю. Но свистъ пуль, направленныхъ исключительно на меня, былъ такъ силенъ, что двое солдатъ, стоявшихъ за мной, получили раны—одинъ по фамиліи Найденовъ былъ легко раненъ, а другой Хватовъ былъ раненъ въ плечо, и ему отняли руку.—Одинъ унтеръ-офицеръ, стоявшій за мной Пузыренко въ срединѣ эскадрона, сказалъ своимъ товарищамъ: „Они какъ будто злы на нашего полковника“. Когда я увидѣлъ, что 4 и 5 эскадроны, стоящіе около дома Воен. Министерства, перешли въ наступленіе, я хотѣлъ своему командовать то-же ¹⁾ и поднялъ правую руку съ палашемъ—но въ ту же минуту пуля ударила въ мой локоть и проскочила черезъ него. Рука съ палашемъ опустилась—я почувствовалъ въ ней боль, какъ бы ударъ палкой и не могъ больше поднять руку.—Тогда я поддержалъ свою раненую руку лѣвой рукой и передалъ команду ротмистру Каульбарсу. Я проѣхалъ черезъ ряды своихъ солдатъ и самъ не знаю, почему направился не въ казармы, а мимо Сената по Англійской набережной. У воротъ дома Лаваль были люди, которые предлагали мнѣ заѣхать туда, но я все продолжалъ свой путь до дома Блессингъ.

Тамъ дверь была заперта и заставлена, но хозяйка, увидавъ изъ окна раненаго офицера, приказала скорѣе отворить.

Тутъ только я замѣтилъ, что за мной слѣдомъ пріѣхали унт.-оф. Карташевъ и рядовой Мирошенко, который ходилъ за моими лошадьми, и еще тутъ же былъ и Хватовъ; я спросилъ у Хватова, молодцомъ сидящаго на моемъ жеребчикѣ:

— Куда ты?

— Я раненъ, отвѣтилъ онъ.

— Да гдѣ? ничего не видно.

— У меня пуля въ лѣвомъ плечѣ.

И несмотря на это онъ держалъ поводья этой рукой. Тогда я сказалъ ему.

— Поѣзжай полегоньку въ казармы, сдай свою лошадь, а самъ ступай въ лазаретъ.

Унт.-оф. Карташевъ, увидавъ меня раненымъ, поѣхалъ за мной, чтобы помочь мнѣ въ случаѣ надобности.—Онъ слѣзъ съ лошади, чтобы помочь и мнѣ сойти съ лошади, и когда

¹⁾ Тѣми эскадронами командовалъ полков. Куликовскій, другими полк. Донецъ-Захаржевскій.

мы увидѣли, что изъ дома Блессига вышли люди меня встрѣтить. я уперся лѣвой рукой въ сѣдло и перекинулъ правую ногу черезъ лошадь, но надо было перекинуть и правую руку, въ которой былъ зажатъ палашъ—это было трудно, но, благодаря своему крѣпкому сложенію, я не потерялъ сознание и когда сталъ на землю, разжалъ лѣвой рукой омертвѣлые пальцы правой, и палашъ выпалъ изъ нихъ на землю, тогда я поддержалъ правую руку на вѣсу и вошелъ въ домъ Блессига. Добрѣйшій старикъ Филиппъ Ивановичъ принялъ меня радушно и отвелъ мнѣ комнату одного изъ своихъ сыновей. Молодые люди тотчасъ отправились за докторомъ Габерзангомъ, котораго я просилъ привезти. Вскорѣ онъ пріѣхалъ и, осмотрѣвъ руку, сталъ меня утѣшать, говоря, что, *можетъ быть*, не придется отнимать руку! Но я этому не повѣрилъ и былъ готовъ ко всему, только бы онъ, а не другой произвелъ операцію.

Онъ сдѣлалъ мнѣ первую перевязку въ 4 ч. пополудни; раненъ я былъ около 3-хъ час. пополудни. Крагу и колетъ пришлось разрѣзать, ибо пальцы были страшно распухши, и руку мою подвѣсили шарфомъ черезъ плечо; докторъ уѣхалъ, обѣщаясь скоро вернуться. Отдохнувъ немного, я почувствовалъ страшныя боли, но сознаніе не терялось и я все спрашивалъ, что дѣлается на площади. Меня успокоило извѣстіе, что наконецъ была пущена картечь, которая и разсѣяла мятежниковъ.

Въ продолженіе этого дня, Государь Николай I прислалъ лейбъ-медика Крейтона узнать о моемъ здоровьѣ, и изъявилъ врачамъ свое желаніе, чтобы всѣ мѣры были приняты къ тому, чтобы сохранить мнѣ руку. Но когда въ 11 ч. вечера докторъ Габерзангъ пріѣхалъ съ своимъ ассистентомъ, младшимъ полковымъ врачомъ Якубовскимъ, они нашли, что антоновъ огонь уже обнаружился въ пальцахъ (гангрена), три кости въ локотномъ суставѣ были совершенно раздроблены, и такъ какъ пуля прошла очень короткое разстояніе, то они предполагали, что кость выше локтя тоже повреждена, что и оказалось. Несмотря на всю готовность Габерзанга раньше побывать у меня, онъ этого сдѣлать не могъ, потому что ухаживалъ за несчастнымъ ген. Милорадовичемъ, который въ тотъ же день умеръ на его рукахъ. Наконецъ насталъ рѣшительный моментъ ампутаціи! Я былъ такъ бодръ духомъ, что хотѣлъ видѣть, что будутъ дѣлать съ моей рукой, но, замѣтивъ это, доктора попросили присутствующихъ держать мою голову въ другую сторону. Операція происходила при свѣчахъ и продолжалась 17 минутъ.

Кровоизліяніе было сильное и продолжалось съ 3 ч. до 11 вечера—моментъ операціи. Во время операціи не терялъ сознанія, но страдалъ ужасно. Послѣ операціи меня уложили въ постель, и я заснулъ.

На другое утро проснувшись и увидавъ забинтованный остатокъ своей руки, я признаюсь, расплакался—не то мнѣ жаль было своей правой руки, не то жаль было такимъ молодымъ остаться калѣвкой, не то жаль было разрушенной такъ печально карьеры. Я сознавалъ, что жертва принесена мною за правое дѣло и за царя Николая I, но все-таки тяжело было на сердцѣ. Роковой день 14 дек. 1825 г. былъ понедѣльникъ; вторникъ и среду чувствовалъ себя относительно хорошо.

Вся царствующая семья выказывала мнѣ участіе и вниманіе, но особенно Государь интересовался мною и два раза въ день лейбъ-медикъ Крейтонъ пріѣзжалъ отъ его имени справляться о моемъ здоровьи. Онъ же подписывалъ бюллетень два раза въ день и бюллетень этотъ былъ доставляемъ во дворецъ. Кромѣ того, врачи: Уейли (или Вилліе), Аридъ, Гейротъ, Бутковъ и еще одинъ, имя котораго не помню, заходили ко мнѣ справляться о здоровьи. Въ среду, утромъ 16 дек., господа эти собрались у меня и, посовѣтовавшись между собой, рѣшили, что мнѣ надо дать слабительное; но Габерзангъ не соглашался съ ними, опасаясь, какъ бы это слабительное (александрійскій листъ) не вызвало рвоты. Но они настаивали на своемъ, а такъ какъ Габерзангъ былъ моложе ихъ чиномъ, онъ долженъ былъ уступить. Въ продолженіе среды мнѣ дали нѣсколько приемовъ этого лѣкарства, которое произвело свое дѣйствіе, и часть ночи я спалъ хорошо.

Но въ четвергъ въ 3 ч. утра я проснулся и почувствовалъ приступы рвоты, а затѣмъ мнѣ показалось, что изъ моей отрѣзанной руки сочится кровь. Я разбудилъ доктора Якубовскаго, который спалъ въ моей комнатѣ.

— Федоръ Іосифовичъ, сказалъ я ему, мнѣ кажется, изъ руки сочится кровь.

Онъ тотчасъ всталъ, осмотрѣлъ обрубокъ, не снимая перевязки, и успокоивалъ меня, говоря, что ничего нѣтъ важнаго и совѣтовалъ заснуть—а самъ сѣлъ къ столу и написалъ записку, которую тотчасъ же отправилъ.

Около 10 ч. утра пріѣхалъ Габерзангъ и съ нимъ весь синклитъ врачей.

Когда я увидалъ это нашествіе, то сразу подумалъ, что совершается что-то недоброе. Они велѣли мнѣ встать, усадивъ

меня въ большое кресло и сняли перевязку. Тогда они увидали, что одна изъ жилъ порвалась и изъ нея шла кровь. Всю рану пришлось вымыть, удалить засохшую кровь, и артеріи надо было перевязать съизнова. Сначала я слѣдилъ за ихъ дѣйствіями, но, обезсиленный потерью крови въ понедѣльникъ, я скоро потерялъ сознание, и когда они кончили свою работу, я все еще былъ въ обморокѣ.

Меня уложили въ постель, и съ этой минуты до пятницы утра я былъ въ забытѣ, почти безъ признаковъ жизни. Мой бѣдный другъ, Габерзангъ, былъ въ отчаяніи, и онъ и многіе думали, что я уже не встану. Въ пятницу около полудня солнце освѣтило мою комнату, и я слышалъ какъ будто сквозь сонъ пѣніе канареекъ въ другой комнатѣ, и сталъ приходить въ сознание. Первое лицо, которое я увидѣлъ, былъ добрейшій старикъ Блессигъ, который все время, пока продолжалось мое безсознательное состояніе, не отходилъ отъ моей постели. Онъ посоветовалъ мнѣ полное спокойствіе, и по немногу моя крѣпкая натура взяла верхъ и я сталъ оживать. Если Господь помогъ мнѣ перенести эти двѣ страшныя операціи, изъ коихъ вторая была опаснѣе первой, то я этимъ обязанъ уходу и вниманію, можно сказать, отеческаго ко мнѣ старика Блессига и его семьи. Когда я раненый былъ принятъ въ ихъ домъ, старикъ страдалъ подагрой и едва ходилъ; волненіе и участіе его ко мнѣ и тревога этого дня совсѣмъ излѣчили его—онъ былъ все на ногахъ—то въ моей комнатѣ, то въ гостиной принималъ посѣтителей, пріѣзжавшихъ справляться обо мнѣ; онъ же и наблюдалъ за тѣмъ, чтобы ко мнѣ никто не могъ прійти. дорожа моимъ спокойствіемъ.

Когда я былъ ребенкомъ, наша семья и семья Блессиговъ были знакомы. Впослѣдствіи я у нихъ не бывалъ, хотя сынъ его Гильомъ былъ со мной въ Петропавловской школѣ. Нынѣ онъ глава фирмы Блессига и пользуется большимъ уваженіемъ какъ на биржѣ, такъ и въ частной жизни. Да благословитъ Господь эту семью до младшихъ ея членовъ включительно!

Не могу себѣ объяснить, почему именно я направился по Англійской набережной:—было бы проще ѣхать въ казармы—но это меня Богъ спасъ, ибо если бы я поѣхалъ вдоль манежа къ казармамъ, я бы попалъ въ руки всего гвардейскаго экипажа, вполнѣ взбунтовавшагося и шедшаго въ беспорядкѣ къ Исаакіевской площади, чтобы присоединиться къ прочимъ мятежникамъ. Офицеры и рядовые моряки были сильно возбуждены и навѣрно убили бы меня и моихъ спутниковъ.

Здоровье мое потихоньку поправлялось: 15-го декабря меня назначили флигель-адъютантомъ, но я только тогда узналъ объ этомъ, когда сталъ поправляться. Назначеніе это было мнѣ очень пріятно, и я высоко цѣнилъ эту милость ко мнѣ Государя. Нѣкоторые изъ моихъ товарищей также были назначены флигель-адъютантами, но кромѣ того получили Анну на шею. Графъ Орловъ меня къ этой наградѣ не представилъ, а представилъ вмѣсто меня командира 7-го эскадрона Цинскаго, который находился преспокойно въ казармахъ въ то время, когда я былъ раненъ. Несмотря на то, что мои товарищи указывали графу на эту явную несправедливость, онъ не измѣнилъ своего рѣшенія, хотя по всѣмъ правиламъ Анну на шею слѣдовало мнѣ получить. Думаю, что гр. Орловъ предполагалъ, что я не встану послѣ ампутаціи, а такъ какъ Цинскій былъ давно квартирмейстеромъ, слѣдовательно, нужное графу лицо, то онъ его и помѣстилъ въ списокъ вмѣсто меня. Эта несправедливость графа ко мнѣ имѣла важныя послѣдствія для моей дальнѣйшей карьеры.

Кавалергардскій полкъ прибылъ на площадь послѣ насъ и стоялъ около Адмиралтейскаго бульвара, и во все время, пока продолжалось дѣло съ мятежниками въ дѣлѣ не, былъ—и все-таки два полковника этого полка Ланской и Пестель были сдѣланы флигель-адъютантами и получили Анну на шею, также какъ полковники конной гвардіи, которые тоже получили Анну и были сдѣланы флигель-адъютантами—фамиліи ихъ: Николай Голицынъ, Донецъ-Захаржевскій и Куликовскій.

Гр. Орловъ по двумъ причинамъ замѣнилъ мою фамилію въ наградномъ списокѣ имъ представленнымъ фамиліей Цинскаго. Первая та, о которой я упомянулъ выше, что Цинскій былъ ему нуженъ; вторая та, что онъ меня не долюбивалъ. Онъ говорилъ, что у меня неуживчивый нравъ—въ чемъ отчасти онъ былъ правъ, ибо я былъ вспыльчивъ и горячъ; но всѣ мои товарищи отдавали мнѣ справедливость, что я хорошій офицеръ и добрый товарищъ; во всякомъ случаѣ это не оправдываетъ несправедливости его поступка со мной—награда эта принадлежала мнѣ по праву.

Всѣ мои друзья старались меня утѣшить, но я чувствовалъ себя обиженнымъ. Нѣсколько дней спустя, когда я уже могъ ходить по комнатамъ, графъ Орловъ посѣтилъ меня, и отъ имени Государя предложилъ мнѣ остаться въ полку. Тонъ его былъ однако такъ сухъ и нелюбезенъ, что я отклонилъ это предложеніе, что, кажется, было ему очень пріятно. Онъ доло-

жилъ мой отвѣтъ Государю, и мой эскадронъ получилъ Цинскій... Меня же Государь сдѣлалъ плацъ-маіоромъ г. Царскаго Села,—должность, нарочно для меня созданную. Понемногу я поправлялся, но докторъ Арендтъ утверждалъ, что осколки костей еще должны выйти изъ руки.

Докторъ Габерзангъ съ нимъ не соглашался и утверждалъ, что черезъ 6 недѣль послѣ полученія раны и ампутаціи я буду въ состояніи танцевать. И я дѣйствительно черезъ шесть недѣль въ халатѣ протанцевалъ экосезъ, чтобы Габерзангъ могъ выиграть пари, которое онъ держалъ съ Аридомъ, и доставилъ ему большое удовольствіе—именно тѣмъ, что онъ былъ правъ, а не его начальникъ. Я уже хотѣлъ перебраться въ свою квартиру въ казармы; но добрый Блессигъ не допустилъ этого, говоря, что онъ только тогда позволитъ мнѣ переѣхать отъ него, когда я представлюсь Государю. Моя мать и сестры жили тогда въ Царскомъ Селѣ и часто меня навѣщали. Первое свиданіе съ матерью произошло на другой день послѣ ампутаціи, и меня очень оно взволновало, а затѣмъ первые дни послѣ второй операціи я былъ такъ слабъ, что никого не могъ видѣть, почему онѣ въ то время рѣдко меня навѣщали. Потомъ, когда я сталъ поправляться, ихъ посѣщенія были для меня праздникомъ. Меня посѣщали всѣ мои знакомые, даже молодыя дамы. Сначала я принималъ всѣхъ въ своей комнатѣ, а потомъ въ гостиной Блессига, даже совсѣмъ незнакомые мнѣ люди останавливались у подъѣзда узнавать о моемъ здоровьи. Петербургъ выказывалъ мнѣ свое участіе.

Наконецъ, въ началѣ февраля я былъ въ состояніи представиться Государю. Я былъ принятъ Е. В. въ Ею кабинетѣ во второмъ этажѣ Зимняго дворца. Государь обошелся со мной весьма милостиво, подробно освѣдомился о моемъ здоровьи, благодарилъ меня и снова уже самъ лично предложилъ мнѣ остаться въ полку.

Отказавшись уже разъ, мнѣ было неловко измѣнить своему слову, и, видя твердость моего рѣшенія, онъ больше не настаивалъ на этомъ.

Причины моего отказа слѣдующія:

1. Недоброжелательство ко мнѣ гр. Орлова, выказанное имъ мнѣ при его посѣщеніи съ предложеніемъ остаться въ полку.
2. Несправедливость графа при представленіи къ наградамъ, такъ какъ Анну на шею слѣдовало мнѣ, а не Цинскому.
3. Состояніе моего здоровья и отсутствіе руки внушали мнѣ опасенія, что я уже неспособенъ буду къ фронтальной службѣ.

4. Недостаточность средствъ также была одна изъ причинъ моего отказа.

5. Некому было дать мнѣ добрый совѣтъ въ такомъ исключительномъ случаѣ, когда Государь такъ былъ милостивъ. два раза предложить мнѣ остаться въ полку.

6. Скромное мнѣніе о себѣ заставляло меня сомнѣваться въ своей пригодности во фронтѣ, а вѣроятно именно моя репутація хорошаго офицера и внушила Государю желаніе, чтобы я остался во фронтѣ.

Такъ или иначе, но, къ несчастью, я отказался. Говорю къ несчастью потому, что нѣтъ сомнѣнія, что мой отказъ не поправился Государю. Можно мнѣ замѣтить, зачѣмъ я не высказалъ откровенно Государю главную причину своего отказа, а именно несправедливость ко мнѣ графа Орлова. На это я возражу, что подчиненному очень трудно жаловаться на своего начальника, а затѣмъ служить подъ его начальствомъ. Прекрасное поведеніе полка, во время бунта 14 декабря, надо отнести къ заслугамъ эскадронныхъ командировъ, старыхъ офицеровъ, а не къ заслугамъ графа Орлова, а между тѣмъ это дѣло возвысило его въ мнѣніи Государя очень замѣтно. Если бы я исполнилъ желаніе Государя, я вполне увѣренъ, что, зная мои средства, онъ не оставилъ бы меня безъ поддержки, тѣмъ болѣе, что я пожертвовалъ своей правой рукой изъ вѣрно-подданныхъ къ Нему чувствъ—въ Его личномъ дѣлѣ.

И все-таки въ душѣ былъ служака, и мнѣ жаль было оставлять фронтную службу, тѣмъ болѣе, что при счастьѣ я могъ сдѣлать хорошую карьеру. Я такъ любилъ своихъ кирасиръ, что если бы на мою долю выпала честь ими командовать, я бы, конечно, не обиралъ ихъ, какъ другіе это дѣлали! Моя мечта всегда была когда-нибудь дожить до счастья командовать кирасирской дивизіей и доказать на дѣлѣ, что наши кирасиры могутъ превосходить столь хваленыхъ французскихъ кирасиръ. Что дѣлать, благодаря несправедливости гр. Орлова, мнѣ пришлось записаться въ инвалиды, занявъ постъ царскосельскаго плацъ-маіора. Послѣ представленія Государю, я отправился къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Она приняла меня съ трогательною добротою, на ея глазахъ я видѣлъ слезы, а мнѣ стоило большого труда, чтобы не дать ей замѣтить, какую перемѣну вижу въ ней! Роковой день 14 декабря измучилъ Ея Величество, а давно ли въ 1821 г. я видалъ ее сіяющую красотою и граціею на Гатчинскихъ вечерахъ! Теперь она была худа, блѣдна, голова у нея дрожала. Это нервное дрожаніе сдѣ-

залось съ Государыней съ момента, когда она увидала Государя на площади въ такой страшной опасности, и оно никогда не прошло совершенно, хотя послѣ путешествія въ Палермо здоровье Императрицы сильно поправилось.

Императрица Марія Ѳеодоровна также очень милостиво меня приняла и приглашала къ себѣ въ Павловскъ въ качествѣ со-сѣда.

Е. В. великій князь Михаилъ Павловичъ также выказалъ мнѣ много милостиваго вниманія; даже предложилъ мнѣ написать для меня изъ Лондона искусственную руку, за что я выразилъ Е. В. свою глубокую благодарность, но объяснилъ ему, что отрубокъ, оставшійся отъ моей руки, слишкомъ коротокъ для искусственной руки. Е. В. съ этимъ согласился, но добавилъ, что, въ случаѣ какой-либо надобности, я могу смѣло обращаться къ нему и рассчитывать на него. Государь, когда я представлялся ему, также изволилъ сказать мнѣ слѣдующія слова:

„Въ случаѣ какой-либо тебѣ надобности, адресуйся прямо ко мнѣ, слышишь“!

Какая разница между всѣми этими милостивыми приѣмами и благосклоннымъ вниманіемъ столь высокопоставленныхъ особъ съ тѣми приѣмами, которые я испыталъ у своихъ начальниковъ и у другихъ важныхъ лицъ!

Окончивъ всѣ свои представленія, я перебрался въ Царское Село, гдѣ мнѣ отведена была квартира въ помѣщеніи, выходящемъ окнами на дворцовый дворъ. Квартира была хорошая и такъ какъ я прибылъ въ Царское Село въ концѣ марта и весна 1826 года была очень ранняя, то я вскорѣ сталъ наслаждаться чуднымъ воздухомъ Царскаго Села, который, послѣ того какъ я столько лѣтъ дышалъ весной конюшеннымъ запахомъ нашего казарменнаго двора, показался мнѣ еще превосходнѣе.

Начальникъ мой былъ комендантъ Царскаго Села генераль-лейтенантъ Стессель, добрый и прямой человѣкъ, и все время моей службы въ качествѣ плацъ-маіора я могу только съ полной признательностью вспоминать о немъ.

Генераль Захаржевскій тогда уже былъ директоромъ города Царскаго Села. Я ему представился. Приѣмъ его былъ такой, какой можно было ожидать отъ человѣка вполне необразованнаго: несмотря на это, желая сохранить мирныя отношенія, я все-таки бывалъ у него въ домѣ. Придирки и непріятности, которыя онъ постоянно дѣлалъ жителямъ, возстановляли всѣхъ противъ него. Какъ только царская фамилія покидала Царское

Село, онъ запиралъ всѣ ворота въ паркѣ и лишалъ жителей удовольствія кататься по парку—единственное удовольствіе въ этомъ скучномъ городѣ.

Вотъ уже 40 лѣтъ, что я знаю этого человѣка, и я убѣжденъ, что онъ виноватъ въ томъ, что Царское Село не сдѣлалось богѣе пріятнымъ мѣстожительствомъ, хотя это и была любимая резиденція Государя Александра I и въ первое время царствованія Николая I онъ также любилъ Царское Село; нынѣ царствующій Государь Александръ II также оказываетъ предпочтеніе Царскому Селу, но трудно уже исправить то, что было испорчено. Александръ I въ 1819 г., желая привлечь жителей въ Царское Село и Софію, приказалъ разбить городъ на квадраты и раздавать эти квадраты даромъ всѣмъ, кто пожелалъ строить здѣсь дачи. Цѣль Государя была изъ Царскаго Села сдѣлать здоровую и пріятную лѣтнюю резиденцію для жителей столицы. Въ виду поощренія, домовладѣльцы были освобождены отъ всякой повинности и сверхъ того Государь выдавалъ имъ заимообразно нѣкоторую сумму денегъ на постройку дачи.

Всѣ эти преимущества, казалось бы, клонились къ тому, чтобы изъ Царскаго Села сдѣлать пріятное и красивое лѣтнее пребываніе, но подъ ферулой придиричаваго и грубаго начальника города онъ сдѣлался тѣмъ, что онъ есть, т. е. ни городъ, ни село.

Въ первое время много лицъ изъ высшаго общества пожелали воспользоваться участками для постройки дачъ, но когда они представляли свои планы къ утвержденію г-на директора города, онъ такъ придирился къ нимъ, что приходилось три и четыре раза представлять планы, пока наконецъ планъ пришелся во вкусъ г-на директора.

Понятно, что эти затрудненія отбивали у многихъ охоту строиться, и они свои мѣста перепродавали и уступали другимъ. Такимъ образомъ, вмѣсто аристократіи мѣста эти поступали во владѣніе лавочниковъ, мѣщанъ и крестьянъ села Кузьмино и Пулкова, которымъ было очень выгодно строить дачи и пользоваться всѣми льготами.

Вотъ почему въ Софіи и Царскомъ Селѣ попадаются дома, мало похожіе на дачи, а скорѣе напоминающіе Сѣнную и Колонну. Мысль Государя Александра I была та, чтобы каждый домъ былъ окруженъ садомъ; это и было соблюдено въ первое время, но домовладѣльцы нашлись и такіе, которые, пользуясь льготами, пожелали какъ можно больше настроить домовъ для сдачи въ наемъ, и потому вмѣсто садовъ появились дома, и

люди, желающіе нанять дачу съ садомъ, находятся въ большомъ затрудненіи.

Служба моя была не затруднительна, гарнизонъ невеликъ, тогда желѣзная дорога еще не существовала. Парады или разводы происходили на площади передъ дворцомъ (Александровскій),—резиденція государя Николая Павловича. Разводомъ командовалъ я, какъ плацъ-маіоръ.

Въ день исполненія приговора надъ главными зачинщиками мятежа 14 декабря, Государь находился въ Царскомъ Селѣ и занималъ комнаты Императрицы Екатерины. Фельдъегери то и дѣло подъѣзжали ко дворцу. Государь ходилъ взадъ и впередъ по Китайской комнатѣ и никого не принималъ; изъ моихъ оконъ мнѣ видно было, какъ онъ ходилъ по комнатамъ...

Сообщила Э. О. Лишина.

